

16+

Людмила Геннадьевна Иванова

Папина музика

Людмила Иванова

Папина музыка

«Автор»

2018

Иванова Л. Г.

Папина музыка / Л. Г. Иванова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11331-2

Рисунки Судьбы причудливы и располагаются на тканном полотне линий жизни, связанных узлами ошибок и осознаний, переплетаясь со своим предназначением и судьбами многих поколений. Они капризны и изменчивы как линии на руках. Марина с детства мечтала о музыке, но внезапная смерть отца взбудоражила воображение матери, активизируя всевозможные страхи, связанные с музыкой. И наступает момент, когда Марина, на Повороте Судьбы, встает перед выбором: идти туда, где все знакомо и понятно, либо где неизвестность и то, к чему всегда стремилась душа.

ISBN 978-5-532-11331-2

© Иванова Л. Г., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая. Папина музыка	6
Глава 1.	6
* * *	7
* * *	10
Глава 2.	11
* * *	13
* * *	15
* * *	16
Глава 3.	17
* * *	18
* * *	20
* * *	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Людмила Иванова

Папина музыка

*«...тонкой нитью обовьешься
Страстью пламенной сковав
Ты ко мне опять крадешься
Сердцем – струнным инструментом
Не досыта поиграв...»*
2018
Л.Г. Иванова (Никитенко)

Часть первая. Папина музыка

Глава 1.

Она их видела. Не часто. Очень редко. И происходило это неожиданно, с тех пор как она стала слышать папину музыку.

Мама тащила Марину, больно держа за руку. Они очень спешили и, от этого Марина не успевала рассмотреть интересные и яркие вывески, которые манили своей загадочностью и тайной, приковывая к себе произвольное внимание. А еще, красивые и нарядные платья, тувельки со сверкающих витрин, словно магниты, приковывали к себе взгляд, увлекая за собой. Вкусный запах булочек, будоражил аппетит, а они ласково и по-домашнему, смотрели со стеклянных полочек, словно ждали, когда же Марина вонзит в них свои зубки.

Но мама спешила, смотря только целенаправленно вперед, ни шагу в сторону, и Марина спешила вместе с ней, бежала, как могла, при этом отвлекалась на запахи и красоту, царящую кругом. Мама от этого раздражалась еще больше, поторапливая Марину и сердясь, что та, не может бежать еще быстрее.

В тайне Марине хотелось оказаться рядом с отцом, чтобы он ее, как всегда, подбросил почти до неба, как ей всегда казалось, когда он это делал. А потом закинул ее к себе на шею и они бы помчались со скоростью света... но этого уже давно не было.

Внезапно Марина услышала красивую, переливающуюся мелодию и резко обернулась на эти непривычные и незнакомые слуху звуки, но мамина рука требовательно и настойчиво потащила ее к выходу. По этим движениям она поняла, что еще немного и мама очень-очень рассердится, но то, что она увидела, так поразило Марину, что она встала, как вкопанная и ее глаза широко раскрылись от огромного удивления. Потому что прямо в стене она увидела красивую белоснежную дверь, с золотыми тиснениями по контуру и причудливо изогнутой ручкой. Она светилась, как показалось Марине, среди темных стен и мрачных спешащих лиц, которые сновали туда-сюда и совсем не замечали того, что видела Марина.

А она стояла и смотрела во все глаза, чувствуя, как что-то радостное и чудесное поднимается в ее душе, совсем как тогда, когда папа был рядом, или когда он должен был вот-вот вернуться с репетиций, приехать с гастролей или когда у него получался шедевр. Марина всегда его чувствовала, этому удивлялась даже мама.

И вдруг эта дверь отворилась, а за ней стоял Отец и, улыбнувшись, он подмигнул ей.

– Мама! Мамочка! – закричала счастливая Марина, стремительно кинувшись к винтовой лестнице, – я поняла! Я все поняла, откуда ты знаешь, что папа рядом! Я услышала ее! Я слышу папину музыку! – бежала она за мамой, не помня себя от счастья, не замечая, как слезы бегут по материнским щекам, оставляя мокрые дорожки и капельки на ресницах.

Она не знала, что ее мама уже год как вдова. А ее отец не вернулся с гастролей, насмерть разбившись, возвращаясь домой.

* * *

Взрослела Марина тяжело и как многие одинокие подростки была со всеми и ни с кем. Она знала, чем живет коллектив, его главные члены, имеющие материальных благ несколько больше, чем другие, соответственно, считавшие, что их положение должно быть повыше. А также и тех, кого считали тихонями или серыми мышками. Но Марина никуда не входила, сама по себе, у нее на все было свое мнение, свои ценности и понятия, о которых она не говорила, ей было скучно со сверстниками.

Она много читала и думала, и немного сочиняла. Странные стихи, странные взгляды на жизнь, на сверстников, на науку. Странный и не земной. Мальчишки ее боялись, а девочки пожимали плечами и мирились с ее компанией, не отягчающей, но и не облегчающей их существование. Молчание и нежелание участвовать во многих сомнительных мероприятиях, настораживали категоричных подростков и, мало кто знал, что она была далеко-далеко от всех, думая о звездах, законах Вселенной, мира, зарождения жизни, которые манили ее тайной и загадкой.

«Она всегда была не такая как мы», – заключила одна из девчонок, глядя на молчаливую Марину, которая не поддерживала разговор, а просто всех слушала, сказать ей было нечего, сплетничать она не любила, осуждать и обсуждать тоже. Так и присутствовала, мирясь со своим окружением.

Вместе с тем, со временем взросления, появилась и поселилась в ее душе тоска, которая иногда давала о себе знать внутренней пустотой и усталостью существования и только вера в чудеса помогала и спасала от мирского и бренного существования. И вместо радости открытий, в ее душу закрался страх: страх не соответствовать ожиданиям; страх, что с ней что-то не в порядке, а вместе с ним неуверенность и замкнутость в своем внутреннем мире, особенно после того, как она увидела их в первый раз. Она их видела. Иногда. Редко. Видимо, в моменты поворота Судьбы.

Она помнила, что тогда мама ее отправила до ближайшего магазина. Возвращаясь, внимание Марины привлекли молодая мама, идущая с маленькой дочкой. В материнских руках были маленькие необычные ботиночки небесно-голубого цвета. Она в одной руке держала ботинки, а другой тащила за руку свою дочку, то и дело, поторапливая ее.

«Совсем как мы с мамой в детстве», – почему-то Марине с грустью вспомнилось. – «Видимо тоже без отца растет, трудно девочке, наверное... , вот бы ее отец на руки поднял, на шею посадил», – начала мечтать она, вспоминая давно забытые ощущения.

И вдруг ей послышалась знакомая мелодия и, в этот момент, прямо из вороха листьев появился человек в черном костюме, он подбежал к женщине и выхватил у нее ботиночки, а потом как размахнулся и бросил их к соседнему зданию, из-за угла которого выходил мужчина в черных очках. Ботинки оказались прямо у него под ногами. Но самое поразительное оказалось то, что этого никто не увидел кроме самой Марины, а человек в черном костюме, посмотрев Марине прямо в глаза, загадочно улыбнулся и, подмигнув, резко подпрыгнул вверх и исчез яркой синеве неба. Просто растворился.

Марина, не веря своим глазам, смотрела на небо, задрав голову кверху и все, видимо, ждала, когда он свалится на землю, но этого не произошло. И она медленно-медленно перевела взгляд с неба на женщину с ребенком, которая усиленно искала пропажу, очень нервничая и раздражаясь. Потом перевела взгляд в противоположную сторону, где из-за угла вышел мужчина в черных очках, тот уже поднял ботиночки ярко-голубого цвета. Тогда Марина подбежала к женщине и спросила:

– Простите, Вы не ботиночки случайно ищите?

– Ага, – растерянно ответила она, осматривая местность блуждающим взглядом.

– Я видела их там, за углом, кажется, тот мужчина их поднял, – виновато улыбнулась она, чувствуя себя причастной к пропаже, и указала в нужном направлении. И в этот момент, она увидела, что мужчина в черных очках, улыбается во весь рот и размахивает ботиночками, как флагом на Олимпиаде, более того, он еще и закричал на весь двор:

– Таня-а! Вот так встреча! – он раскинул руки для объятий, несмотря на то, что женщина была ошарашена от удивления, видимо, для нее встреча была не просто неожиданной, но еще и не слишком желанной.

– Алексей?! Ты?! Как?! А Штаты?! Как ты здесь оказался?! – задавала она вопросы, не дожидаясь ответов. Она смотрела на него во все глаза, расширившиеся от удивления.

– Вчера прилетел, – ответил он, не глядя на нее, потом глубоко вздохнув, как перед прыжком в глубину, выпалил, – тебя искал, не нашел. Собирался улететь сейчас, – смущенно проговорил он, нервно теребя детские ботиночки в руках.

Женщина, которую как, оказалось, звали Татьяна, медленно перевела взгляд на его руки и тихо рассмеялась, а дочка закричала:

– Мама, мои ботинки! – и подбежала к Алексею, а он удивленно смотрел на ребенка.

Марина, наблюдая за ними, увидела, как Алексей внимательно посмотрел на девочку, потом тихонько присел рядом и испытывающим взглядом начал всматриваться в ее черты лица, предварительно вернув ей ботинки.

– Как тебя зовут? – после недолгого изучения, он взволнованно спросил. – Кто ты?

– Я – Дарья Алексеевна Морозова! – гордо и громко ответила она. – А ты? – хитро прищурив глаз, спросила она, глядя на высокого незнакомого дяденьку.

– Я..., – он растерялся при ответе, и он неожиданно для себя спросил. – А сколько тебе лет?

– Хм! Четыре, конечно! – ответила девочка как маленькому мальчику. Алексей метнул взгляд на Татьяну, но та отводила глаза.

– Значит Алексеевна, значит четыре..., – задумчиво протянул он, глядя на Татьяну, но та все прятала от него взгляд. Тогда он резко подошел к ней, и, схватив ее за плечи, попросил посмотреть ему в глаза. И когда она посмотрела, то они были полные слез.

И в этот момент с балкона раздался нетерпеливый материнский голос:

– Маринка! Ты скоро! Ужи три часа тебя жду! – ворчала с балкона мать.

– Да иду я! – невесело буркнула она, желая остаться еще, но все же медленно побрела в сторону дома, частенько оглядываясь на эту троицу, в Судьбе которых она стала невольным участником. Когда она подошла к подъезду то, обернувшись, увидела, как Татьяна рыдает на плече у мужчины, а он крепко обнимает ее, держа на руках маленькую дочку. И по все видимости отпустить он их так просто совсем не собирался. И Марина, в душе порадовавшись за них, забежала в подъезд и стремительно начала подниматься по ступенькам.

Так, после того, как она встретила отца за белоснежной дверью, который ей улыбнулся и подмигнул, Марина стала слышать папину музыку и, случалось это в самые трудные моменты жизни. И она научилась определять, что в скором времени все пройдет и жизнь наладится. Это надо просто пережить. Но об этом она молчала.

Почему-то ей не хотелось этим делиться, ни с кем, даже со своей подругой, с которой они находились вместе с начальной школы. Она была легкая и всегда любила пошебетать, рассказывать о том, где она побывала, с кем познакомилась, что это за люди, еще ей нравилось спрашивать у Марины ее мнение, относительно поступков ее знакомых, так как Марина редко ошибалась, очень ясно считывая мотивы поступков окружающих, и Лере, недалеко в своих умозаключениях, был интересен взгляд этой спокойной и немного угрюмой девушки, которая совсем не вписывалась в общую картину одноклассников.

– Тебе бы во дворце сидеть, ты как принцесса какая-то, так интересно наблюдать за тобой, аристократка! – улыбалась она, – откуда ты только столько знаешь?

Марина, в ответ, просто пожимала плечами.

– Видимо родилась такой, – просто отвечала она.

– Ну не знаю, – с сомнением покачала Лера головой, – вот мама твоя совсем не такая, может ты в отца? – допытывалась она, желая приоткрыть эту тайну.

Об отце Марина не рассказывала никому. Был момент, когда кто-то из одноклассников услышал об ее отце. Марина, внутренне сжимаясь, представляла как ее начнут дразнить, насмехаться над музыкой отца, над ней, она была готова ко всему, и если надо, то защищаться всеми силами.

Но к своему удивлению, никто ее не дразнил, а она даже почувствовала некоторое уважение к себе со стороны многих одноклассников. Кроме одного человека. Он был недавно в школе, и уже обзавелся не очень приятной славой, его в их класс перевели совсем недавно, смазливый мальчишка, занимающийся спортом, неплохо учился, но, было одно «но»... он считал, что за красивую внешность, спортивные достижения, статус родителей, ему положена индульгенция за его нелюбезные действия. Так, он выбирал себе жертву и начинал издеваться над ней, всячески исподтишка подтрунивать, задевать. И теперь этот выбор пал на Марину.

* * *

– Сикорская, сумка твоя в туалете валяется, – бросил кто-то из мальчишек. Марина, которую с утра не оставляло какое-то дурное предчувствие, медленно повернулась, ничем не выдавая своего волнения, посмотрела на того, кто ей сообщил об этом.

– Понятно, – спокойно ответила она, хотя в душе все клокотало и чувствовался внутренний тремор, и повернувшись вышла из аудитории.

Её сумка валялась в мусорном ведре, вся заплеванная кем-то, а сверху записка «Ш...».

Марина спокойно подошла, нагнувшись вытащила сумку, открыла ее и извлекла из внутреннего кармана пакет, в который засунула сумку и вышла из туалета.

На нее смотрели и хихикали некоторые одноклассники, но она не смутилась, какая-то внутренняя сила поднималась в ней. Она поняла, что никого не боится и ей просто безразлично, что они делают.

«Музыка, папина музыка», – повторяла она как мантру про себя, ожидая, что она сейчас заиграет, – «Вот бы мой отец им показал», – горько подумалось ей.

– Сикорская, – кто-то окликнул ее, – это только начало.

Марина медленно повернулась к ним, молча оглядела их всех, словно запоминая каждого, ведь сегодня они к ней повернулись совсем другой стороной.

– Да, ты прав, – она обращалась к тому, кто это затеял, – это только начало. Для тебя. Молись, чтобы это все поскорей закончилось для тебя, – и не обращая на дальнейшие слова вышла из школы.

После всего этого ее оставили в покое, больше не прикасались к ее вещам, не подтрунивали, но Марина чувствовала в этом какой-то подвох, все вокруг сигналоило о том, что это затишье перед бурей, но она решила не тратить на волнения, а просто подождать, когда кто-нибудь высунется из засады.

Глава 2.

Старушек, сидящих на лавочке во дворе или около подъезда, все старались избегать. Но не Марина. Они почему-то ей были даже симпатичны, и ей все время хотелось помочь им, просто так, от души, ведь многих забыли дети, внуки, и им очень не хватало простого человеческого общения, чтобы можно было поделиться рассказами о молодости, своей жизни, о которой они, вспоминая, даже внешне становились моложе. Марине очень нравились такие преобразования.

Она останавливалась, чтобы побеседовать с ними, выступая больше слушателем, нежели полноценным собеседником. А иногда случались перепалки между собой, особенно, когда кто-то начинал приукрашивать себя или умалять достоинства других. В такие моменты они напоминали Марине петухов на боях, и она старалась под шумок тихонько исчезнуть. Но больше всего ей нравилось, когда они пели, то протяжно, тоскливо, то задорно игриво и эти мелодии ей напоминали об отце. Музыка манила ее, своими переливами, тайнами, и было желание познать эти закорючки, с помощью которых писали музыку, но мама была непреклонна.

Никакой музыки и всего, что с ней связано. От большого горя утраты остались злость, ненависть и большое неприятие ко всему, что делал отец, а особенно к музыке. Мама даже слушать ее запрещала, поэтому музыка звучала только классическая и по праздникам. Бороться было бесполезно, и бессилие выливалось в отчуждение от коллектива.

Со временем Марина забыла о затишье, а к ней стали проявлять внимание мальчишки, оказывая знаки внимания. Они пригласили ее в закрытую группу в социальной сети и иногда, вечером, Марина брала мамин телефон и заходила в социальную сеть, ее тариф позволял многое. В этой группе одноклассники и их друзья обсуждали многое, в том числе и музыку, и щекотливо-интересующие темы, иногда обзывались, на Марину в том числе, и один раз она забыла выйти из своего аккаунта...

Поднялся бунт на корабле со стороны матери, которая начала разбирательства. Многие в классе ополчились против Марины, объявляя бойкоты, родители одноклассников ссорились, этим событием заинтересовались газеты, которые тут же подхватили фейковую новость, не разобравшись, разнесли обвинение по всему миру. А Марине в это время хотелось уснуть и спрятаться от всех.

– Что значит не хочу?! Иди в школу как ни в чем не бывало! Мы им еще покажем.

«Что покажем, мамочка, что покажем?», – спрашивала она ее про себя, не решаясь спросить напрямую, и решив ее как-то отвлечь, начала расспросы о своих родственниках, ей хотелось понять, ее видения – это дар или сумасшествие, галлюцинации, может в их роду были умалишенные, безрассудные.

– Мама, а это правда, что в роду отца были шаманы? – внезапно спросила она.

Мать удивленно взглянула на дочь:

– А ты это с чего взяла? Бабки тебе наплели всякую ерунду, – она попыталась ответить цинично и пренебрежительно, но у неё не получилось. Дочь почувствовала фальшь и пристально взглянула на маму, а та, пряча взгляд, выдала себя с головой. Поняв, что дочь не отступится, она что-то вспоминая, задумчиво произнесла:

– Знаешь, а ведь у твоего отца был славный род по материнской линии. Его мама, была смешанных кровей и в ней переплелись многие культуры. У твоей бабушки по материнской линии были и шаманы, и повитухи, очень мудрые и уважаемые женщины, а по отцовской... – она задумалась на мгновение, – а по отцовской, Георгий рассказывал, по-моему... – и она не договорив, ушла вглубь комнаты, а оттуда возвратилась с какой-то иконкой, – вот, – вручила она Марине, – это серебряная, очень старинная и дорогая вещица принадлежала твоей прабабке, поговаривали, что у нее дар какой-то был, который передавался женщинам в четвертом

колени, по отцовской линии, видели они многое... – затем оглядев Марину с головы до ног, прикинув что-то в уме, с недоверием произнесла, – видимо тебя эти сказки не касаются...

А Марина чувствовала, как в висках пульсирует кровь.

* * *

– Моя дочь, что – псих?! – слышала Марина обрывки беседы мамы с классной руководительницей. – Накажите этих учеников и все! Моя дочь, ни в каких специалистах не нуждается! – возмущенно кричала она.

– Специалист и с ними работает, мы все вместе работаем, – пыталась она успокоить ее средних лет учительница. – Есть ведь еще и возрастные проявления, это же период полового созревания.

– Что? Да я вас под суд отдам! Какое половое созревание в 14 лет? Она маленькая еще об этом думать! И свои предположения себе оставьте и сами к психологу идите!

– Есть возрастная психология...

– Идите вы подальше со своей психологией!

Классный руководитель умолкла, подождав, когда родительница немного успокоится, и тогда решила направить разговор в другое русло:

– Ну хорошо. Давайте оставим эту тему. Я только хотела у Вас спросить вот что – Марина увлекается музыкой, и учитель музыки говорит, что у неё прекрасный слух и она великолепно поет!

Наступила мгновенная гробовая тишина, а Марина почувствовала, как в ней что-то умирает и мир начинает рушиться, это было мгновение, потому что потом раздался мощный вопль:

– Прекратите нести чушь! – закричала она. – Прекратите!

– Все, – подождав паузы, ответила педагог, жестом показывая, что тема закрыта, затем немного подождав, мягко добавила, – и все же, как рекомендация, разрешите хотя бы девочке посещать психолога, у нас замечательный специалист.

Марина шла в школу с большой усталостью и напряжением, в голове крутилось: «Зачем? Зачем ты это сделала?», – в реальности она защищала маму, ей было ее очень жаль, и многие слова колючего, взрослеющего подростка застревали в горле, отдаваясь ангиной и воспаленными миндалинами, а нежелание находиться в таких условиях стали проявляться онемевшими руками и ногами, так стало складываться ощущение бесцельности и безысходности, и она сидела на уроке уйдя в себя.

– Здравствуйте, Марина Сикорская здесь? – внезапно прозвучал мягкий и певучий голос из-за двери.

– Это я, – внутренне напрягшись, еле слышно ответила Марина.

– Марина, я приглашаю тебя, следуй за мной, – и она жестом показала куда идти.

Буря бушевала внутри. «Опять эти разговоры. Как мне надоело все! Как мне надоели все! Лучше бы меня не было на свете!», – бродили усталые мысли. Ей казалось, что весь мир был против нее, и она ждала очередную порцию нотаций, от которых толку не было, ни какого, потому что Марине хотелось сделать все наоборот. И даже не поддерживая действия своей мамы, она непроизвольно начинала ее защищать. И она приготовилась ее защищать несмотря ни на что! И поэтому первый вопрос ее застал врасплох, она его никак не ожидала. А именно, ее спросили:

– Как ты себя чувствуешь? – этот вопрос прозвучал искренне, что враждебность и недоверчивость Марины начали отступать, более того, она спрашивала о ее состоянии, ощущениях, мыслях, желаниях, мечтах, о том, что никому не было интересно. Марина поразились, чувствуя, как на глаза начинают наворачиваться непрошенные слезы, и вдруг откуда – то полилась тихая папина музыка.

– Плакать надо иногда, и дышать тоже! – мягко шептала она, приобнимая за плечи, – Давай попробуем со звуком, – подбадривала она ее, – как ты? – часто спрашивала она. – Ничего не бойся, все получится, – мягко повторяла она.

И все, что ее мучило, начало немного отступать.

– Все, что происходило, останется здесь, это очень важно, – почти шепотом произносила она.

Через много лет она поняла, как ей повезло тогда. И в памяти остались воспоминания об этой встрече.

* * *

Со временем к музыке изменилось отношение, и она стала звучать в доме, но Маринины пристрастия пресекались моментально. Так, Марина решила стать врачом, желательно хирургом, чтобы спасти людей от смерти.

А, втайне от всех, душа стремилась к музыке, ее влекло туда, к миру манящему и притягательному. И все свои главные желания, она научилась сдерживать и прятать так, что со временем самой было сложно их найти.

Но врачом она все-таки стала. Хирургом, проявляя совсем необычные способности и поразительную интуицию, на которую сразу обратил внимание Глеб Борисович, молодой и перспективный преподаватель. И неудивительно, что после окончания университета и вручения диплома они сразу же поженились. И все свои тайные и нереализованные желания Марина направила в карьерный рост и успех, и даже рождение сына ее не останавливало.

Она была вся в работе, что даже ее мужу Глебу приходилось проводить время с сыном больше, чем Марина. И даже после смерти матери, она на следующий день после похорон уже была на работе.

И никто не удивился, когда она стремительно набирала популярность и спустя несколько лет защитила диссертацию, получив степень кандидата медицинских наук. К ней стремились попасть многие знаменитости, как к лучшему специалисту.

– Такая пара красивая. Везет же людям. Она такая умная, красивая, а Глеб Борисович вообще мечта, а не мужчина, любит ее до беспамятства, ну что же так не жить? – часто проносились по отделению подобные разговоры.

И мало кто знал, что в сердце у Марины жила бесконечная тоска, а в груди боль существования и пустота. Но она гнала их от себя и с головой окуналась в работу, перестав верить в чудеса и уже давно не было папиной музыки. Она и чудес не видела, в последний раз это было очень давно, еще мама была живая. Они собирались полететь в отпуск после рождения ребенка, Марина решила развезься и с сыном Аркадием, взяв в помощники маму, они отправились в путешествие по дальним странам.

Они были уже в аэропорту, когда Марина обратила внимание на влюбленную парочку. Из кармана молодого человека торчали посадочные талоны.

«Счастливые какие», – улыбнулась она внутренне, – «Была ли я когда-нибудь такой счастливой?» – задавала она себе вопросы, не находя на них ответа.

И вдруг, откуда-то появился мужчина в черном костюме, и подойдя к парню, вынул билеты из его кармана и растворился в пространстве. Удивленная Марина смотрела во все глаза, наблюдая, как они ищут билеты, потом наблюдала их панику, разочарование на лице, слезы девушки, тихая злость молодого человека. И спустя час этот самолет разбился, а некто в черном костюме вернул билеты обратно.

А потом все потекло своим чередом, карьера, карьера, карьера и никаких желаний. И не хотелось видеть свою жизнь, и возникало желание прожить годы с закрытыми глазами.

Со временем, если гнать снежный комочек с огромной горы, он превращается в лавину, если вовремя не провести профилактику, и наступают необратимые процессы, которые сметают все на своем пути. И Марина сама не заметила, как снежный ком превратился в разрушающую лавину.

* * *

Их привезли сразу.

– Глеб Борисович умер мгновенно, его сейчас увезут, – послышался голос за спиной, – Аркадий в тяжелом состоянии в операционной...

На окаменевших ногах она повернулась в сторону Глеба и смотрела на него, как замороженная.

– Ты...ты..., – больше ничего произнести не могла.

– Марина, Аркаша в операционной...ты сможешь? Или пусть оперирует Автандил...

– Какой к черту Автандил! – бешеным взглядом она окатила главного. – Я сама! – рявкнула она и никто не посмел ей перечить, лучше ее никого не было и чудеса здесь делала только она. А случай был безнадежный, это понимали даже не специалисты.

Марина как в тумане ринулась в операционную, мозг сигнализировал: «Это неправда! Это сон! Сейчас проснусь!», но она не просыпалась и, глядя на своего сына, она дрожащими руками прикоснулась к нему. «Господи! Господи Боже, помоги, помоги, помоги, моему малышу, моей кровиночке, помоги пожалуйста», – шептала она и слезы потрясения полились из ее глаз, она никак не могла встать, но вдруг, что-то внутри щелкнуло, словно сломалось и Марина, не теряя времени, принялась за операцию.

Операция длилась несколько часов. И когда она закончилась, Марина сидела и безумным взглядом смотрела на свои руки, не веря тому, что только что произошло. В палате Марина сидела подле сына, и ей казалось, что она сходит с ума.

«Глеб Борисович умер мгновенно, сейчас его увезут...», – звучало эхом в голове. Она закрыла глаза и почувствовала, как все поплыло, мощнейшее напряжение и усталость сделали свое дело и Марина отключилась тут же.

– Мама, мамочка, просыпайся! Папа нас ждет! – услышала она сквозь сон радостный голос сына. – Мы к нему!

Она с трудом открыла глаза и увидела, как кто-то в черном костюме, приобняв Аркадия за плечи, выводил его из палаты. Свет исходил от него, как от святого, сын улыбался и выглядел очень счастливым. А когда они были в дверях, человек в черном костюме обернулся и, посмотрев Марине в глаза, подмигнул ей. Это и вывело Марину из оцепенения. Она резко подскочила и, побежав за ними, громко закричала:

– Вы что себе позволяете?! Верните моего сына! Куда Вы его повели? – и, выбежав в коридор, побежала вдогонку, но коридор уже оказался пуст. В это время выбежала дежурная медсестра.

– Марина Георгиевна, здесь никого нет и не было, – она мягко обняла ее за плечи.

– Но как? Они с моим сыном ушли! Посмотрите в палате! – и она указала рукой, а медсестра, зайдя в нее, удивленно посмотрела на Марину, а потом опять на кровать, мгновенно побледнев, медленно произнесла:

– Марина Георгиевна, но Аркаша лежит в кровати...

Её лицо исказилось гримасой страха от страшной догадки, она медленно развернулась и на деревянных ногах направилась в палату.

«Мамочка, нас папа ждет! – пронеслось в голове, – Глеб Борисович умер мгновенно», – она медленно-медленно подошла к кровати и, помертвевшим лицом, зачарованно посмотрела на сына, так как совсем недавно смотрела на своего мужа. Её лицо посерело, а потом все поплыло, и она упала на пол.

Глава 3.

Настоящее – это то, чем ты его наполняешь. Если прошлым – то это тень прошлого, если будущим – то это иллюзии. Так, чем же наполнять настоящее, чтобы тень прошлого превратилась в возможности будущего?

После похорон она ушла. Ушла в себя, переживать свое горе в одиночестве, оставив десятилетнюю практику и успешную карьеру врача-хирурга. После всех формальностей, расследований и громких наказаний, виновных в смерти ее мужа и сына, пересудов в газетах, новостных заголовках, всего ада, который длился, как ей казалось, целую вечность, она переехала в свой дом на окраине мегаполиса и, замкнулась в его пространстве. Так, от прежней Марины осталась только оболочка, напоминающая тень.

О ней еще долго писали в газетах, печатая свои домыслы, кто-то злорадствовал, кто-то анализировал ее жизнь, кто-то просто сочувствовал, но никому не было дела до ее внутреннего мира, ее переживаний.

Впрочем, это мало кого интересовало. Постмодернистское общество не предполагало огромного развития внутреннего мира. Там, где, воспитывают конкурентоспособного потребителя, как правило, нет места нравственности и духовным ценностям, ведь при конкуренции все средства хороши, даже если – это уничтожение, какой тут духовный внутренний мир? Эта стратегия поведения пришла из животного мира и, к сожалению, то, что всегда отличало человека от животного, а в частности разум, стало обслуживать животные потребности, а свою прямую функцию забыло.

Человек, настаивающий на удовлетворении низших потребностей, отрицающий духовно-нравственную сторону, склонен к проявлению невротических тенденций, аналогично и человек, настаивающий только на духовном развитии, отрицая телесный компонент, также склонен к невротичным проявлениям. О связи души и тела говорят с древних времен, однако, между воспитанием человека-творца и человека-конкурентного потребителя огромная разница.

* * *

Застывшая статуя стояла и наблюдала за облаками в небе. Время проходило как во сне, Марина, чувствуя, что внутренне умерла, ходила тенью, в небольшом пространстве загородной жизни. И к ней привыкли. Как к тени.

Она пришла в местный магазинчик. Устраиваться на работу. Мыть пол. Но ей предложили встать за прилавок, хотя сотрудники боялись, что она всех клиентов распугает. Но владелица магазина, посмотрев на нее, вспомнив что-то, решила, что она встанет за прилавок. Так, началась Маринина другая жизнь, размеренная, обычная, без цейтнотов и вечной беготни и спешки.

Она мало разговаривала, почти не разговаривала, каждое слово ей давалось с трудом, постепенно окружающие смирились, что с ней сложно беседовать и прекратили дальнейшие попытки ее разговорить. А Марина работала очень много, эффективно и качественно, словно желая забыться в работе.

Однажды она, зайдя в подсобку, увидела на стуле книгу, А.Н.Толстого, которая была открыта на рассказах. «Гадюка», – прочитала она губами про себя название рассказа, что-то заворожило ее в этом названии и она, не заметив, как села на стул, начала читать, и не могла остановиться. Её лицо то серело, то светлело, пока она читала, и, дочитав до конца, в ее глазах начал появляться какой-то блеск, еле уловимый, что-то во внутреннем мире сдвинулось с мертвой точки. Это точно!

В тот день светило солнце и Марина, как и прежде спешила. Ее застывшее лицо было внешне безразлично и очень красиво, выделяясь среди основной массы людей, что-то неуловимое витало вокруг нее. А она, оглядываясь по сторонам, только и замечала сухие деревья, дохлых крыс и птиц.

– Ой, здравствуйте! – послышалось откуда-то со стороны.

Марина, замедлив шаг, повернулась в сторону, откуда послышалось обращение. Там в воротах высокого забора, стояла невысокого роста миловидная, даже можно сказать очень привлекательная женщина средних лет. Она, казалась, немного возбужденной и, не дожидаясь ответа от Марины, начала щебетать:

– Знаете, я недавно сюда приехала, переселилась из города, как муж умер...

Марина почувствовала, как дыхание начало перехватывать, а в груди появилась знакомая тяжесть и обреченность, а новая знакомая продолжала, словно не замечая ее состояния.

– Мой муж очень болел, еще с юности, облучился, лучевая болезнь у него была, знаете ему доктора после облучения два года жизни пророчили, и я знала это и все равно вышла за него замуж... – она глубоко вздохнула, переводя дыхание, а в глазах появились слезы, – а как он торопился все успеть, а как боролся со смертью, он ведь знал, что ему мало осталось, а ведь прожили вместо двух лет целых двадцать два года и каждый день как последний...

Марина смотрела на нее, чувствуя, что в ее душе что-то происходит, но не могла понять, что, а женщина продолжала:

– Двадцать два года вместе и двоих детей родили, – она даже помолодела лет на десять, когда начала вспоминать, – а как он ухаживал! Он просто меня завоевал! Он всегда дарил мне цветы! Всегда. Дарил и исчезал, – горько улыбнулась она, – а я влюбилась в него с первого взгляда, а ведь он никому не нравился внешне, никто не одобрял моего выбора, но такой тонкой души, ума, юмора и жизнелюбия я ни в ком не встречала! А как страдала..., а как мне жизнь не мила была..., а сегодня мой день рождения, и он всегда мне дарил цветы в этот день, зайдите, посмотрите, что творится у меня в саду, – пригласила она.

Марина сомневалась идти или нет, но потом все-таки решила посмотреть, и поразилась, в открытом грунте, на солнышке красовались ярких три тюльпана.

– Вот! – развела она руками счастливо и растерянно, – представляете, утром просыпаюсь, а тут..., вчера ничего не было такого, даже бутонов! – она опять развела руками, словно не зная, что с ними делать. – А утром сон снился, что он прилетел на какой-то золотой колеснице, она так сверкала, что глазам было больно смотреть, посмотрел на меня и попросил передать одной девушке, которую Марина кличут, что «Надо жить!», а потом сказал, что мне приготовлен подарок от него, мой любимый подарок! И я проснулась! Выбегаю на улицу, а тут такое! – и она опять развела руками в растерянности, – я смотрела как замороженная, а тут Вы идете, я частенько Вас видела, когда сюда приезжала, так хотелось с кем-нибудь поделиться своим неожиданным подарком, простите, что время у Вас отняла, – взволнованно щебетала она счастливым голосом.

А Марина смотрела на нее во все глаза. «Надо жить!», – кольнула мысль в голове, словно горячим паром обожгла она ее холодную, замершую и безразличную душу. «Надо жить!», – проносилось в голове, и вдруг она улыбнулась, впервые за это долгое и темное время. Она почувствовала, как что-то происходит в ее душе, что-то светлое и теплое. Она повернулась, чтобы уйти, а в это время новая знакомая спросила:

– Простите, я не представилась, мое имя Анна, а как Вас зовут?

– Марина, – просто ответила она, а затем быстро добавила, – всего доброго! – и повернувшись к выходу, увидела потрясенное лицо Анны.

Не дав ей что-то сказать, быстро вышла, направившись дальше, оставив новую знакомую с кучей вопросов в голове.

«Надо жить!», – твердила она себе.

Надо жить!

* * *

Марина как всегда спешила на работу, бежала, чувствуя какое-то приближение.

– Девушка, подскажите, как проехать к ближайшему магазинчику? – послышался голос из открытого окна машины.

– Ой, простите! – испугалась Марина от внезапности вопроса. – Я...это...я-а, – протянула она, чувствуя, что не может вымолвить ни слова от нахлынувшего волнения.

– С Вами все в порядке? – озабоченно спросил мужчина и вышел из машины.

– Да-да, – поспешно заверила его Марина, и немного успокоившись добавила, – магазинчик тут, неподалеку, я там работаю.

– О, – воскликнул он, – тогда я точно туда должен попасть!

– Почему? – искренне поинтересовалась она.

– Так, такие люди там! – и он оценивающим жестом показал на Марину, а та почему-то смутилась, хотя в последнее время ей было совершенно безразлично, – как вас величают?

– Марина, – смутилась она, чувствуя себя как-то не ловко и неуверенно, словно школьница на первом свидании.

– Ясно, в каком магазинчике работаешь?

Марина, застенчиво улыбнувшись назвала.

– Может подвезти тебя, я как раз в ту сторону?

Она отрицательно покачала головой и помахав ему рукой на прощание, побежала на работу.

А спустя неделю, Марине сообщили, что она переводом отправляется в головную компанию. Распоряжение генерального директора. Она села в подсобке на стульчик, подперев подбородок кулачком, и безразлично смотрела в пространство, а перед глазами стоял улыбающийся Глеб.

* * *

На новом месте Марина чувствовала много заботы, которая сочилась ото всюду. О ней заботились все, и она сама не заметила, как начала оттаивать и оживать.

– Прекрасное платье, – неожиданно отметил Артемий Васильевич (так оказалось звали ее покровителя, которого она встретила тогда). Это ее застало врасплох. Она удивленно поглядела на него и смутившись, улыбнулась и, взяв подписанные бумаги со стола, вышла из кабинета.

И что-то стало меняться, Марина начала неосознанно избегать его взглядов, а еще больше его присутствия, чувствуя большое смущение и что-то такое, от чего дрожь пробегала по всему телу и хотелось просто раствориться в воздухе или вытечь сквозь щели в двери.

– Его дочь учится в университете, – услышала она как разговаривали сотрудницы, – тоже очень умна, как он, школу с медалью закончила...

– Говорят, эта новенькая на нее похожа, – вдруг понизив голос промолвила другая сотрудница.

– На дочь, что ли? – недоверчиво воскликнула первая.

– Дурочка! Помнишь, давно его первая жена погибла, а потом он снова женился, через несколько лет?

– Ну что-то припоминаю...

– Так вот, говорят, что новенькая сотрудница на его первую жену похожа, любил он ее сильно...

– А! – удивленно протянула первая, – вот это да! А эту не любит что ли?

– Ты что! Помнишь, как они ругались, когда она сказала, что их контракт недействителен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.